

Юлия Капустян

Папа- на- шкафу

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 20

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-31518-1

© Ю. С. Капустян, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Олино тело окаменело, стало чужим, вросло в полосатый матрас с пружинами, натянулось и беззвучно стонет, бьется, но не может сдвинуться с места. Взгляд метнулся к ручке двери, к шкафу, но не на него, не поднимется — нет-нет-нет. Слишком уж страшненько. Оля знает, что на шкафу сидит папа. Папа умер, когда ей исполнилось три с хвостиком. А теперь он приходит с кладбища, будит вот так по ночам, сидит на шкафу и пугает. Папочка разинул свою черную-дырку-вместо-лица — беззубый ледяной рот, голодный портал, соединяющий мир живых и мир мертвых. Он растопырился на шкафу, как несуразная кукла, и смотрит, смотрит, смотрит. Пиявкой прожрал старую штукатурку. Просочился. Всверлился из мира кошмаров. Его не должно здесь быть. Хищнопалый. Холодный и злой. Смотрит и ждет, а ей и не вздрогнуть. Он почти ее задушил одним лишь присутствием. А бабушка предупреждала!

— Олечка, детка, послушай...

Бабушка Света поставила перед Олей чашку горячего чая.

— Мне как-то приснилась тетя Катя, царствие ей небесное, стояла она, значит, передо мной — вся мертвая, серая, с длинными черными волосами и в белой сорочке, мокрой по пояс. Это все потому, что она вутопленница!

Оля представляла живую бабушку и мертвую тетю Катю на арене цирка. Тетя Катя силющая, в предлинном грязно-белом платье, громко хрустит суставами шеи. Бабушка Света бодро разминается, прыгает на месте и крестится, приговаривая: «Боже упаси, Боже упаси». Вдруг тетя Катя утробно клокочет, как издыхающий кит, а потом булькает своими мертвыми внутренностями и показательно ломает стул — надвое, легким движением рук. И обломки швыряет трибунам. Зрители свистят, хлопают еще громче.

Бабушка Света шинкует капусту и лук.

— Стоит она, значит, трясется вся и говорит: Света-а-ачка-а... Холодно мне здесь.

Прямо над мертвой тетей Катей вырастает белая туча — милая, но только с виду. Взаправду туча кусачая — она пышет холодом и хватает

и без того ледяную тетя Катю за ее мертвые лодыжки. Тетя Катя дрожит. Ее движения замедленны.

— Я говорю ей: Катя, голубушка, а от меня ты чего хочешь? Уж не по мою ли ты душу пришла?

Бабушка на арене подтягивает свои красные спортивные трусы, бодро хрустит суставами, наотмашь крестится и получает мертвым кулаком тетя Кати прямо во вставную челюсть. Челюсть эта картинно летит над ареной, как взбесившаяся комета, и описывает косую дугу. Тетя Катя нависает над бабушкой Светой, ее черные волосы спутались и парят единым и жутким комом. Зрители заунывно гудят: У-у-у-у-у. Туча загорается всполохом молнии, глухо грохочет, снега становится еще больше — идет что-то типа мини-метели.

— А она мне: Све-е-ет, а Све-е-ет, а помнишь мои сапоги любимые? С бляшкой. Принеси-ка мне их, а то лежать совсем холо-о-одно... — Бабушка Света изображает призрачный вой, одновременно пробует суп на соль и причмокивает. — А то ноги дубеют. Ну и я потом пошукала эти ейные сапоги. Сперва думала, уже все — пропали.

Оля представила: бабушку Свету уже замело снегом до самой макушки. А мертвые тетя-Катины ноги покрылись толстой ледяной коркой — так она стала похожа на неуклюжую слониху. Кажется, это конец.

— Но потом в сарае, под тряпками, в пакетах нашлись. И их снесла на кладбище, а через девять дней мне снова тетя Катя пришла во сне, но теперь румяная, теплая, встала она из гроба —

в волосах ленты цветные, сорочка с вышивкой, в сапогах начищенных. И говорит: «Спасибо тебе, Светлана, в этом сезоне будет хороший урожай огурцов, и если Савельев придет денег занять, то ты ему не давай, он человек нечестный...»

Вдруг кто-то из толпы закидывает на арену пару красных сапог с красивыми бляшками. Сапоги эти оживают и бегут несколько кругов трусцой. А потом самонапяливаются на ноги к бабушке Свете. Она вскакивает подвижно, как кошка, и пытается прорваться к обмерзшей теть Кате сквозь уже мега-метель. Рывок! У нее получается! Бабушка Света ловко снимает сапоги и прикапывает их в ближайший к теть Кате сугроб. И плачет, копает, и слезы из глаз размером с садовую сливу. Бабушка закапывает сапоги и плачет, плачет и закапывает сапоги, будто бы в трансе. Мертвая теть Катя волшебным образом преображается — волосы ее распутываются и сами собой заплетаются в претолстую косу с цветастыми лентами, ледяные корки на ее слоновьих ногах рассыпаются в черепки. Аплодисменты! Трибуны победно воют. Туча схлопывается со свистом. Сугробы тают — смываются горячей слезной рекой. Под тем из них, куда были прикопаны сапоги, — пусто. Ничего не осталось. По всей арене вьется проворная огуречная лоза и обильно плодоносит в движении — уже взвилась до самого купола цирка. Все трибуны, зрителей, арену и вообще все вокруг засыпает тоннами хорошеньких пальчиков-огурцов! Олина бабушка ликует и молится. Зрители скандируют: «Савельев — нечестный человек! Савельев — человек нечестный!» По

мертвой щеке катится слеза, живой нос звонко шмыгает — старушки обнимаются, вместе плачут. И наконец, мертвая тетя Катя тает в воздухе, оставив за собой шлейф синеватого блеска, как настоящая фея.

Бабушка Света буднично режет кирпичик хлеба к обеду.

— Ты знаешь, Олечка, если к тебе придет кто-то мертвенький...

— Например, папа?

— Ну, может быть.

Воображаемый Олей цирк затянуло серым. Зрители встревоженно ахают, шепчутся, кто-то уходит. Арена меняется до неузнаваемости. В самом ее центре разверзлась бездонная черная дырка — там же, где пару минут назад плодородили огурцы и мертвая тетя Катя чуть не задубела от холода. Нет больше никаких огурцов. Только голодная пустота. А из дыры, цепляясь ржавыми крюками, пробирается Олин папа. Он похож на разъяренное, опасное насекомое. Точным прыжком он прорвался на сцену, всосал цепи вместе с крюками в свою воронку-вместо-лица, сожрал их и теперь хищно осматривается...

Оля вздрагивает:

— Ой...

— Да не бойси! Мертвые обычно не хотят нам плохого сделать. Даже твой папочка. — Бабушка беспечно мешает суп и напевает.

— Угу. — Оля уставилась в остывшую чашку чая.

— Ты это, если кто-то придет, то ты во сне перекрестись. Помнишь хоть, как надо креститься? Ну, как я тебя учила, покажи, не ленись.

Конечно же помнит, ведь она такая хорошая, благодарная ученица. Оля послушно собирает пальцы в «святой бутончик» — большой, указательный, средний, все вместе. Как будто собралась приправить заколдованным перцем тарелку улиток, сваренных в масле. Говорят, что кто-то ест эту гадость, буэ! Бутончик из Олиных пальцев бегло касается лба, прыгает к пупку, к правому плечу и к левому плечу. Так трижды. Интересно, а улитки попадают на небеса? Оля заслужила награду — бабушка дает ей застарелую вафлю и продолжает учить.

— И значит, перекрестись там, встань так уверенно. — Бабушка демонстративно расставила ноги пошире. — И спроси, что мертвому нужно. Но они обычно сами болтают. А ты слушай и запоминай. И потом делай, что просят.

— Ба, а значит, папа может прийти?

— Может, деточка.

— Ясно... — Оля сунула вафлю в карман — чуть позже скормит муравьям в огороде. — А к тебе, э-э... он когда-нибудь приходил?

— Ой, да куда там, придет он, конечно! Ни живой ни мертвый не приходил никогда — не дозовесси! Говорю ему было... Олежа, принеси воды рассаду полить. А я что? Хрупкая пожилая женщина! Одна на себе весь дом! А он мне знаешь чего? Мм? Говорит, не нервничайте, МНЕ говорит! Я читал, говорит, что полив лучше производить на закате! Расслабьтесь, Светлана Степановна! Не переживайте!

Бабушка нервно стучит ложкой по кружке, ди-ди-ди, ди-ди-ди, дилинь-цзыыы, как заведенная кукла. По ее шее ползут красные пят-

на. Она растирает их и все дзынькает ложкой. Бабушкина рука, похожа на вздувшуюся венами карту с темными пятнами стран, горами-родинками, складками кожи — дорогами. Оля отправляется в воображаемое путешествие — ей скучно слушать одно и то же по кругу. Она и с первых десяти раз все прекрасно запомнила про полив. Оля хочет думать о чем-то приятном — про кошек, мороженое или Деда Мороза, но все время соскакивает.

«Ди-ди-ди, дилинь-дилинь!»

Вообще, о папе не принято говорить. Оля знает о нем совсем немножечко — умер, когда она была еще маленькой, много читал, сидел с мамой за одной партой, влюбился, служил в армии, родилась Оля, а потом он просто вышел из дома и не вернулся к ним — умер. То делал, того не делал, убился, рассуждал про полив, но ничего не полил. Как говорит бабушка Света, был непутевым. Все этот его характер. Однажды бабушка рассказала, что Оле не повезло и ей достался папин характер. Поэтому Оле надо стараться быть хорошей, потому что кровь не водица — это серьезно и навсегда. И что она уже в ней, эта кровь, — внутри Оли. В каждой клеточке и ноготочке, даже в том, как она морщит нос или чешет ногу.

А мама вот как-то сразу грустнела и уходила от папиной темы. Один раз она даже заплакала, хотя Оля всего лишь спросила, как отправить папе открытку ко Дню всех защитников. Пол-урока Оля считала ворон — ведь нет у нее никаких защитников, но потом была отругана классной. Лариса Андреевна тогда объяснила, что рисовать ей все равно надо, потому что, ну,

так положено, и что папа эту открытку как-то все-таки прочитает, хоть его в мире и нет. Оля тогда не все поняла. Точнее, вообще ничего. Вот и спросила. Ма, а куда, если что, отправить открытку для папы? А как папа прочитает эту открытку? Он же ее прочитает? Мне в школе сказали! А мама как давай плакать. В другой раз мама случайно вдруг рассказала, что познакомилась с папой в школе, но тут ничего интересного. Еще пару раз говорила, что папа был хорошим человеком. Но говорила она так грустно и тихо, что в ее слова просто невозможно было поверить. Поэтому Оля маме не верила. В общем, мама в вопросах папы чаще молчала, и Оля уже и не спрашивала.

В доме у бабушки Зои — папиной мамы папа тоже был под запретом. Тут не было его фотографий, открыток, рисунков, хоть каких-нибудь напоминаний. А говорить о папе бабушка Зоя совсем не хотела — она делала вид, что не слышит вопроса, или говорила о чем-то своем, или мыла полы. Оля догадывалась, что раз дело дошло до полов, то бабушке очень грустно. Например, когда Оля грустит, бабушка гонит Олину грусть делами, особенно — поломойством. Говорит, помоешь полы, и душа в тонусе, и глаза сухие. А если полы уже вымыты, то шторы можно погладить, или за хлебом сбегать, или тяпкой потяпать, или двор подмести, или в сарае прибраться, а там уже и полы можно перемывать. Полы в доме у бабушки Зои всегда-превсегда были вымыты начисто. Она говорила, что с них можно есть, как с тарелки. И кажется, никогда не грустила. Вот у Оли так не очень срабатывало — она была как бы мушкой, а грусть — липкой лентой, Оле надо было немножечко вля-

паться в грусть, чтоб вляпаться уже насовсем. Поэтому Оля очень часто мыла полы. Ну и в магазин бегала и все остальное тоже, но если по-честному, то от деланья дел Олина грусть совсем никуда не девалась и даже наоборот — пускала новые усики и только крепче вращалась в Олин хребет. Но бабушка говорила, что терпенье и труд все перетрут, а грусть же тоже считается «всем»? Выходит, что так. Значит, надо побольше стараться. У бабушки же вот срабатывает.

Как-то Оля решила призвать даму пик — она рисовала на зеркале в ванной лесенку, шептала заговор, долго смотрела на свое отражение, но ничего не вышло. Оля чуть-чуть расстроилась и поэтому мыла полы, терла насухо свежесмытую посуду, потом чуть-чуть погуляла с Полинкой, забегалась, вымылась, мультики перед сном — и о даме совсем забыла. Но этой же ночью, проснувшись от жажды, Оля услышала что-то престранное по пути в кухню — глухие завывания из ванной комнаты. Дама! Дама пришла! Жуть какая! Оля хотела бежать, но не могла бежать, хотела молиться, но не могла молиться — одеревенела совсем. И пока стояла вот так, приросшая, расслышала, что дама-из-ванной не то чтобы воет, а кажется, плачет. Оле стало чуточку жаль даму-из-ванной, хотя девочки говорили, что дама может сожрать сердце или того хуже — утащить с собой в зазеркалье. Войти к даме или хотя бы ей что-то сказать было слишком страшно, и, пока Оля решалась, она расслышала в вое за дверью: «О-олежик, О-олеж, сы-ыно-ок». Оля мигнула. Что это плачет бабушка Зоя, она поняла далеко не сразу — проще было поверить в даму. Оля не могла оторваться от слушанья.

Сколько она вот так простояла? Пятки совсем замерзли. Бабушка вдруг притихла, потом завопилась, скрипнула ручка двери. Чуть не застуканная, Оля спряталась в вешалку с зимней одеждой и замерла. Прикинулась пальто в клетку. Бабушка долго возилась со свечкой — та постоянно гасла. Бабушка чиркала спичками, и приходящая озарялась яркими вспышками. Оля рассматривала заплаканные бабушкины глаза. И толстую каплю, скользнувшую из бабушкиного носа, сорвавшуюся во тьму. Бабушка двигалась неуклюже, не так, как всегда. Оля не сразу поняла почему, а потом заметила: бабушка пыталась зажечь свечу, не выпуская из-под мышки толстую папку, перемотанную красной бечевкой.

Всеми своими жидкими ночными косичками, подколенными ямочками, заусенцами и блинами зрачков Оля чувствовала — в этой папке спрятан какой-то чудом уцелевший папин фрагмент. Или секрет. Кусочек души? Стопка любовных писем? Баб Зоя вдруг оступилась и навалилась на стойку с одеждой, вжав внучку в стенку шкафа всем телом. Но обошлось, не заметила Олю. Свечка снова погасла, бабушка не стала ее зажигать, немного поохала и ушла. Оля же пряталась под толщей пальто и курток, пока не досчитала до двух тысяч с хвостиком. И только потом беззвучно прошмыгнула в свою комнату, нырнула в прохладные одеяла, но так и не заснула аж до рассвета. Она точно знала, что где-то в доме у бабушки Зои есть какой-то особый папин тайник, и гадала, где он.

Дилинь-дилинь! Дилинь-ди-ди-ди! Бабушка Света все раздраженной мешает остывший чай.

— Ба, а можно мне тоже чай?

Лучшим способом вывести бабушку из раздражения были вопросы кормления — она уже зазвенела блюдами.

— А, кхм... ба, мертвые приходят когда захотят?

— В смысле, деточка?

— Ну, тетя Катя тебя как-то предупредила? Может, звонила заранее?

— Не звонила, моя золотая.

— Ясно.

— Но чаще всего они приходят... — Банка с абрикосовым вареньем никак не открывается, прыгает в бабушкиных руках. — В ночь... Да будь ты неладна!

Осознав возможность папиного визита, Оля прокручивает в голове варианты: в ночь перед Рождеством! Первого сентября! Второго вторника месяца! Именин Святослава Ивановича! Сбора урожая черешни! После дождичка в четверг!

Олины глаза стали похожи на гигантские влажные пуговицы.

— В ночь перед... — Бабушкины щеки раздулись и покраснели.

Субботой! Рыбалкой! Масленицей! Простудой! Хорошим урожаем капусты! Фестивалем народной песни! Поездкой на море! Ангиной! Контрольной по математике!

— В ночь перед днем рождения, фух... — Крышка банки наконец поддалась и щелкнула,

бабушка крикнула, засахаренные абрикосы лениво поплыли в блюде.

— Моим, бабушка?

— Своим, деточка.

— Твоим?!

— Типун тебе на язык! Перед днем рождения усопшего. В этот день мертвый может, скажем, попросить у живого подарок.

— Ба, а когда день рождения у папы?

— ПЧХА!-того марта. Охх...

Бабушка Света смачно высморкалась в салфетку. Оля ее не то чтобы расслышала, но и не переспросила, только сильнее вжалась в диван. Любой ответ будет страшным — сегодня второе марта. Завтра третье. Послезавтра... Что-то холодное уронилося за Олин шиворот, мураши по спине. Она оглянулась, а сзади ничего не было.

Папа ведь уже приходил — выглядывал из кадки летнего душа, пытался схватить мертвецкой рукой из-под кровати, караулил Олю, затаившись в платяном шкафу. И он не говорил ни-че-го. Никогда. Только булькал, скалился и трещал. Это какой у него должен быть жуткий голос, если он вдруг заговорит? Но в этот раз все будет совсем по-другому — Оля чувствует, что папа придет.

Просто перекреститься и спросить его, что нужно сделать. Всего-то перекреститься и выслушать папину просьбу, подумаешь? Перед сном Оля по кругу пугала и успокаивала себя. Обнимала себя за плечи. Баюкала. Куталась в толстый кокон-из-одеяла и представляла себя упитанной гусеницей. Может быть, папе скучно и он попросит принести ему книгу на кладбище? Чесала пятку. Стянула носки и скинула вниз —

в подкроватную бездну к чудищам. Двуххвостая анаконда Звездочка легко подцепила их и натянула носки на оба своих хвоста. А вдруг папа попросит рассказать ему таблицу умножения? Утробно загудел холодильник. Оля тихонечко ойкнула и перевернулась на правый бок. Ей жарко. Тесно. Она сонно моргает, разворачивается. Медленно стынет в поту и заворачивается обратно в кокон. Или вдруг он попросит ее полюбить есть вареную морковку? Фу! Или... Оля уже превратилась в бабочку? Подушка колется перьями, как ни крутись. Оля переворачивает ее холодной стороной к любимому-для-сна-уху. Сопит. Вертится. Пялится в точку перед собой. И вдруг проваливается — оказывается не здесь-и-не-там-а-по-ту-сторону. Оставляет свой дом где-то далеко-далеко — понимает, что падает с бесконечной лестницы. Хватается за ступени, но они рассыпаются — хрупкие, как скорлупки. Оля бьется боками о твердое нечто. Царапает руки. Рвет свои красные рейтузы для сна с застиранным Микки-Маусом. Перед глазами мигает и крутится безумный калейдоскоп. А сверху над лестницей и над сценой падения разинулась черная бездна, прямо как в Олином цирке. Девочка то будто бы видит себя со стороны — маленькую, жалкую, пыльную, то снова влетает в собственное Олино тело и жмурится, чтобы закончить этот кошмар, вырваться из него. И этим зажмуриванием нечаянно переключает камеру сна снова и снова. Прыгает то туда, то сюда! Хватит! Девочка затыкает уши, слышит, как что-то скребется под черепом. Оля? Сверху грохочет. Папа? Папа! Девочка бьется о что-то твердое, хватается руками воздух, тянется к темной дыре.

Помоги! Забери меня! Даже если будет щекотно! Снова стукнулась о что-то и отлетела вбок. Разодрала спину до ребер, кожа лохмотьями. Папа, пожалуйста! Из воронки снова грохочет, гром смеется над девочкой: не-пришел-не-пришел-не-пришел-и-нет-его-здесь-как-всегда-и-не-было-и-не-будет-здесь-и-нигде-не-будет-его.

Его не было под кроватью. Его не было в бачке унитаза, в пачке макарон, в грязном белье, в кошачьей лежанке, в почтовом ящике, в сумке с пакетами, в коробке с карандашами, в остывших домашних тапочках. Нигде. Он не пришел к ней.

РТР, 13:00

Анимированная заставка. Черно-белое фото, на нем обнимаются безымянные люди. Красным курсивом поверх — название передачи «Ищу тебя». Звучит мелодия «Опустела без тебя земля». В кадре общий план студии ТВ-шоу — фон из экранов черно-белых телевизоров. На экранах пейзажи городов России: Пермь, Чита, Воронеж, Иркутск. Ведущая в центре кадра в ярко-красном брючном костюме, с круто наложенной челкой, улыбается и начинает эфир:

— Здравствуйте! В эфире программа «Ищу тебя»! Я очень рада снова встретиться с вами. В нашей студии работает многоканальный телефон, его номер вы видите на экране. Мы в прямом эфире, и, если мы ищем именно вас или вы можете помочь в поиске, звоните!

Ведущая подходит к зрителям на трибуне и передает микрофон пожилой женщине с крупными плечами и задорным хохолком.

— Я Лебедева Изабелла, ищу юношескую нержавеющую любовь — Астахова Александра

Михайловича! Красивого донского казака! Пожалуйста, если он меня слышит, пусть вспомнит нашу родную Волочаевскую улицу! Я всю жизнь тебя ищу и до смерти любила, люблю и буду любить! А раз увидеть, так и помереть можно!

— Ну зачем же умирать? — улыбнулась ведущая и подмигнула в камеру. — А вы, Александр Михайлович, если слышите нас, то обязательно выходите на связь! А вы кого ищете?

Ведущая передает микрофон пожилой даме в очках в роговой оправе, из-за линз ее глаза кажутся неестественно маленькими.

— А я ищу любимого друга, с которым мы занимались в спортивном обществе ДСО «Труд», он был гребец на каноэ. Он прекрасный человек, и я его обидела. И мне очень хочется, чтобы у него все было хорошо. — Женщина невольно хохотнула.

— Это тоже была любовь?

— Да, с моей стороны была любовь. А с его... а он не успел объясниться.

— Ну, вы думаете, что он вас любил?

— Ну, в общем, по поведению все было, да.

— Мы еще поговорим с вами. — Ведущая возвращается в центр студии — к красным креслам, расположенным друг против друга.

— Хорошо начинать программу с любви. — Улыбается. — Эта история тоже о ней: пятьдесят два года назад в Волгограде встретились шестнадцатилетняя школьница и курсант Суворовского училища. Первая любовь. Первая разлука. Первая и последняя — больше они не виделись. Я приглашаю Лангину Ивановну Подгаецкую, героиню этого романа, к нам в студию.

Звучит мелодия «Опустела без тебя земля». В студию входит старушка с аристократической дулькой на голове. На ней нарядное темно-синее платье, белые чулки, начищенные туфли. Она выглядит немного потерянной, но в глазах ее светится надежда. Белые пряди выбились из прически, руки чуть заметно дрожат.

— Лангина Ивановна, расскажите нам вашу историю любви. Что ж сразу плакать-то? Мы про любовь, а вы плакать! — Ведущая поддерживает Лангину за локоть и усаживает ее в кресло. Лангина оглядывается и промокает глаза платком. Ведущая садится напротив нее. — Ну, как вы с ним познакомились?

— Случайно... Я ехала в электричке, мы тогда ездили собирать цветы за город. Красивая, молодая, с целой охапкой цветов. И на станции уже в тамбуре поскользнулась и как упаду! Вся измаралась, как черт-те что...

— Да что вы говорите?!

— Тут Женя меня и поймал в самый последний момент, представляете? Такой весь он был, в форме... А я, получается, прям в руки его... — Лангина говорит все тише и медленнее.

— Как романтично!

— Да уж... А на станции его уже ждали друзья из училища, и все четверо вызвались меня проводить, представляете?

— Вы имели успех! — Ведущая улыбается гостье.

— Но мне так стыдно, так стыдно... Представляете? Вся в этой грязи, он тоже весь в этой грязи! Стыдно-то стыдно, но я согласилась... Хорошие были ребята. — Лангина краснеет. — Но... все равно... И я, э... повела их к чужому

Капустян Ю.

К 20 Папа-на-шкафу : роман / Юлия Капустян. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 480 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-31518-1

Оле девять лет, она живет с мамой и бабушкой, а еще она уверена, что ее папа — вампир. Правда, папа умер, когда Оля была совсем маленькой, так что, может быть, это выдумки, но тогда зачем ему являться к ней по ночам? О том, что папа — вампир, ей сказала говорящая кошка Ксюша — вернее, передала через подружку Полинку, а Полинка могла и приврать. Оля очень боится тоже стать вампиром, а в остальном она почти обычная девочка из Краснодара нулевых. Школа, противные одноклассники и не менее противная классуха, непонятный мир взрослых, телевизор (там так много интересного!), дружба с бездомным Скорлупой, Пиковая дама в ванной комнате, а главное — попытки понять, достаточно ли Оля хороша, чтобы ее любили...

«Папа-на-шкафу» — роман о детстве нулевых, таком, какое было у многих. Мама на работе, а папы и вовсе нет, бабушка хочет видеть в тебе ответственную личность, а тебе грустно и одиноко. Это роман о том, каково быть ребенком, когда мир непрочен, зыбок и чуть фантасмагоричен. Мир, в котором одинаковы шансы навсегда провалиться в магическое зазеркалье или попасться в лапы реальному маньяку.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА КАПУСТЯН
ПАПА-НА-ШКАФУ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Татьяна Бородулина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.07.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 22,35. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн.тер.г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01	Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19	Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-48772-01-R